

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 94 (571.1): 332.021.8

Д.Н.Белянин

**ЗАГОТОВКА КОЛОНИЗАЦИОННОГО ФОНДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В 1906-1914 гг.**

В отечественной исторической науке вопрос о качестве сибирских земель отводимых для переселенцев в годы столыпинской аграрной реформы не получил однозначной оценки. Эта проблема до сих пор носит дискуссионный характер, несмотря на большое количество работ (в том числе и фундаментальных), в которых она изучалась. Фактически в отечественной историографии определилось два подхода в оценках деятельности переселенческих организаций по заготовке колонизационного фонда.

Одним из первых, кто негативно оценил качество отводимых для переселенцев участков, был А.И. Комаров. Он критиковал переселенческое управление за отсутствие планомерности и невозможность более или менее обстоятельного предварительного исследования местностей, предполагавшихся под переселение. Далее он писал, что отводятся участки с непригодной для сельского хозяйства почвой и отсутствием воды или водой, непригодной для питья [1, с.137]. Л.Ф. Склярлов в своем фундаментальном труде отметил, что в годы столыпинской переселенческой политики произошло резкое снижение качества землеотводных работ и в участки замежевывались массы неудобных земель [2, с.232]. Аналогичную оценку дал И.В. Островский. Он также отметил «постоянное ухудшение качества переселенческих участков» и сделал ссылку на закон, разрешивший включать в наделы до 20% неудобных земель, что привело к повышению % неудобных земель в переселенческих участках. Так, по его данным в 1907-1911 гг. в переселенческих участках Томской губернии неудобные земли составили 24,2% [3, с. 143-145]. Фактически такая же оценка содержится в работе М.В. Дорофеева, который пишет, что в отведенные участки замежевывались земли, вовсе непригодные для сельского хозяйства [4, с. 120].

Более взвешенную оценку дал известный историк-аграрник В.Г. Тюкавкин. С одной стороны он отметил, что немалое число участков оказались непригодными для заселения или не удовлетворяли переселенцев по разным причинам. В.Г. Тюкавкин согласился, что спешка в отводе переселенческих участков приводила к замежеванию в участки малопригодных земель. При этом автор сделал ссылку на сохранившиеся в архивах многочисленные жалобы крестьян-новоселов по по-

воду качества переселенческих участков. Правда анализ этих жалоб показал, что чаще всего речь шла не об объективных недостатках (зоболоченность, каменистость), а о субъективных причинах (лесистость, качество воды). С другой стороны В.Г. Тюкавкин привел примеры из личного опыта опросов переселенцев, которых он опрашивал еще 1950-х гг. в Иркутской области. По этим данным, 100% опрошенных переселенцев отметили, что качество земель и их урожайность в Сибири выше, чем в губерниях выхода, хотя среди опрошенных были выходцы из разных губерний, в том числе и черноземных [5, с.259-261]. В.Г. Тюкавкин привел целый ряд свидетельств бывших переселенцев, которые переехали в Сибирь в 1909-1916 гг. Эти крестьяне охарактеризовали качество почв как «хорошее», хотя самые лучшие земли в момент их водворения уже были заняты. Ни один из опрошенных крестьян-переселенцев не сказал, что на родине у него земля была лучше, чем в Сибири [6, с.19-21].

Обвинение А.И. Комарова в том, что в переселенческие участки отводятся земли без предварительного изучения, следует признать противоречащим фактам. Можно привести много примеров различных экспедиций, многие из которых носили серьезный научный характер. Например, в 1908 г. были организованы почвенно-ботанические исследования в Бийском уезде и Мариинско-Зачулымской тайге, в 1909 г. были исследованы системы нескольких рек в Кузнецком и Бийском уездах Томской губернии [7]. В 1908 г. было обследовано около 5,7 млн. десятин в Горном Алтае. Экспедиция отметила «в общем» благоприятные климатические условия, «разнообразие природных богатств» и хорошие почвы [8]. Глава Переселенческого управления Г.В. Глинка даже заявил, что потребность в отыскании новых земель для колонизации гораздо важнее, чем поддержка уже существующих селений. Поиски новых земель для колонизации выражались в снаряжении научных экспедиций для сельскохозяйственного изучения ранее неисследованных районов. Примечательно, что до 1910 г. размеры кредитов на изучение новых районов ставились в прямую зависимость от числа прибывающих в Сибирь переселенцев. Тогда как в 1911-1912 гг. произошло значительное увеличение кредитов уже независимо от потока

переселенцев. Например, в 1908 г. на изучение новых районов Сибири было выделено 215 тыс. рублей, в 1909 г. - 550 тыс., а в 1912 г. - уже 994 тыс. рублей. Связано это было с пожеланиями депутатов государственной Думы о планомерном научном исследовании Сибири [9, с.43-44]. Всего за 1908-1914 гг. в азиатской России было проведено 98 различных экспедиций. Они обследовали 1 400 тыс. кв. верст в Сибири и 1 490 тыс. кв. верст в Туркестане (эта площадь в 5 раз превышает территорию Франции). Примечательно, что значительная часть данной территории (ок. 50 млн. десятин) была признана пригодной для сельскохозяйственного освоения [6, с.258]. Даже после начала Первой мировой войны обследования земель для будущего колонизационного фонда не прекратились. Например, в Тобольском переселенческом районе в 1915 г. планировалось изучить 5 700 десятин в Ишимском уезде [10].

Теперь о качестве отводимых для переселенцев земель. Обращение к архивным источникам позволяет обнаружить примеры переселенческих участков, где неудобной земли было даже больше, чем 20%, положенных по закону. Например, в плане участка Мавричи (Тарский уезд, Тобольская губерния) значилась 631 десятина удобной и 621

1906-1915 гг. четырех сибирских губерний процент «удобных» земель в среднем равнялся 77,3. Почти такие же данные по Акмолинской области - 77,5%. Мы обращаем особое внимание на эти районы потому, что именно сюда переехало абсолютное большинство переселенцев, и масштабы землеотводных работ в этих губерниях и областях были более высокими. Если же смотреть в целом по азиатской России, то удобных земель на переселенческих участках общего пользования было 67,8%. По разным районам процент колебался весьма значительно. В Амурской области - 48,4%, в Ферганской - 90,0% [14, с.228].

Примечательно, что процент удобных земель в переселенческих участках отводимых до столыпинской переселенческой политики не очень отличался от аналогичных показателей в 1906-1914 гг. Так, по Тобольской губернии удобные земли в переселенческих участках составляли 78,3%, по Томской губернии - 81,3% [15, *Приложения* -с.2-145, *подсчитано автором* - Б.Д.].

Обращение к общим данным дает нам так называемые «средние» цифры, которые не всегда отражают истинную картину. Например, в общих данных сведены материалы как по заселенным и, так и по незаселенным переселенческим участкам.

Таблица 1. Соотношение удобных и неудобных земель в переселенческих поселках Томской губернии по данным статистического обследования 1911-1912 гг.

район	На 1 хозяйство приходится всей земли (в десятинах)	На 1 хозяйство приходится неудобной земли (в десятинах)	% неудобной земли в крестьянском наделе*
Степной	45,88	0,18	0,4
Лесостепной	38,32	4,0	10,44
Переходный	33,82	2,72	8,04
Таежный	42,41	5,77	13,61
Всего	41,1	2,77	6,74

* подсчитано автором - Б.Д.

неудобной земли, а на участке Кокши того же уезда неудобных земель было 1 038 десятин при 377 десятинах удобных [11]. Хотя можно найти примеры и обратные. Так, на участке Кусак (Омский уезд, Акмолинская область) удобной земли было около 2 831 десятины, неудобной - только 124. На участке Георгиевский того же уезда удобной земли значилось более 2 356 десятин, неудобной - всего около 140 десятин [12]. Примечательно, что чиновники Переселенческого управления не стремились в своих отчетах как-то заретушировать присутствие в колонизационном фонде неудобных земель. Например, зав. Томским переселенческим районом в отчете за 1907 г. прямо написал, что из отведенных в колонизационный фонд земель Каннского уезда 37,7% составили неудобные земли [12]. По данным СМ. Сидельникова, использовавшего материалы официальной статистики, на переселенческих участках общего пользования

Между тем, исследователи неоднократно отмечали, что часть переселенческих участков в течение многих лет либо заселялась не полностью, либо не заселялась вообще (в том числе и по причине присутствия большого процента неудобных земель). Поэтому имеет смысл выяснить, каков был процент неудобных земель только в заселенных переселенческих участках. В 1911-1912 гг. в 291 переселенческом поселке Томской губернии была проведена подворная перепись, охватившая 18 772 хозяйства. Интересующие нас данные этого обследования сведены нами в табл. 1 [16, с.55, 85].

Таким образом, если не брать в расчет незаселенные переселенцами участки, то процент неудобных земель в переселенческих участках существенно понижается.

Далеко не все исследователи поясняют что такое «неудобные земли», поэтому следует выяснить смысл этого термина. Неудобными землями

в начале XX в. признавались: во-первых, «непригодные ни к пашне, ни к сенокосению, ни вообще к возделыванию, пески, болота, солонцы, каменистые и глинистые овраги». Во-вторых, «прогоны не превышающие 12 сажен ширины, улицы, дороги, кладбище, воды и участки под церквами» [17]. Такое определение дано в проекте инструкции для землемеров и топографов, которые занимались заготовкой колонизационного фонда. Из этого определения прямо следует, что определенный процент неудобных земель *должен был присутствовать в составе каждого переселенческого участка*. Это касается прогонов, улиц, дорог, кладбища, без которых существование поселков просто невозможно, и участков для церквей. Это же касается и водоемов, которые по возможности должны были включаться в состав переселенческих участков для обеспечения переселенцев водой. Этот факт некоторые исследователи во внимание не приняли.

Что же касается первой части определения, где говорится о «непригодных» землях, то здесь тоже не все очевидно. Что касается каменистых и глинистых оврагов и песков, то на таких землях заниматься сельским хозяйством конечно невозможно. Но этого же нельзя сказать о солонцах и болотах. При определенных условиях эти земли могли быть вовлечены в сельскохозяйственный оборот и из разряда «неудобных» перейти в «удобные». Например, при описании группы переселенческих хуторов, образованных из Емангильской казенной лесной дачи (Тюменский уезд, Тобольская губерния), отмечалось, что неудобные земли состоят из травянистых болот, которые в засушливые годы можно обращать в сенокос [18].

Показателен следующий пример: крестьяне поселка Новоалександровского (Томский уезд) просили в качестве прирезки к своему наделу запасной участок № 394. Лесной ревизор этот участок охарактеризовал как безводный, далеко отстоящий от ре-чек, весь покрытый малоценным средневозрастным осинником, а местами заболоченный [19]. И, тем не менее, несмотря на такое описание, крестьяне все же просили этот участок в качестве прирезки. Это говорит о том, что даже на первый взгляд непригодные земли можно было вовлечь в хозяйственный оборот.

Если обратиться к материалам конца XIX века, то выясняется, что переселенческие участки солонцеватого и смешанного типов заселялись переселенцами не менее успешно, чем черноземные (см. таблицу 2). Этот интересный факт авторы «Очерка» попытались объяснить тем, что на солонцеватых землях изобилие сенокосов [15, с.308-309].

Возможны и иные объяснения. Например, П.П. Вибе отметил, что одним из факторов заселения является фактор ландшафтного взаимодействия районов выхода и вселения [20, с.308-309]. То есть для крестьян, прибывавших из различных

частей Российской империи, существовали свои стандарты определения степени «неудобности» земли. Например, земли, забракованные выходцами из Черноземья, могли быть признаны годными для занятия сельским хозяйством выходцами из Прибалтики или Нечерноземья. Так, в 1911 г. в Змеиногорском уезде (Томская губерния) переселенцы из Эстляндской губернии брали «неудобные» земли наравне с «удобными». Они быстро превращали озера и небольшие болотца в плодородную почву и устраивали цветущее хозяйство там, где старожилы совсем забрасывали земли [21, с. 155].

Таблица 2. Процент занятых душевых долей на степных участках в 1893-1899 гг.

Губернии, области	черноземные	солонцеватые и смешанные
Тобольская	98,1	91,8
Томская	76,8	80,3
Енисейская	58,0	69,9
Иркутская	-	-
Акмолинская	82,1	60,9
В среднем	80,9	83,3

Подобных случаев было немало. Например, в проекте участка Граковского (Тобольская губерния) значилось 786 десятин удобной земли и 1 339,4 - неудобной. Но переселенцев из Вятской губернии почти вдвое большее число неудобных земель по отношению к удобным не смутило. Они поселились на этих землях сначала самовольно, а потом обратились с ходатайством об образовании этого переселенческого участка из состава Рыбинско-Каргалинской лесной дачи [22]. Аналогичным образом 12 семей выходцев из различных губерний самовольно поселились на территории той же дачи и ходатайствовали об отводе заселенных ими земель в отдельный переселенческий участок. В составе этого участка (ему присвоили название «Юланский») было 1313 десятин удобной земли и более 1 176 неудобной [23]. В 1906 г. переселенцы Вятской губернии взяли в аренду казенно-оброчную статью, а затем обратились с просьбой образовать из этой статьи переселенческий участок. В составе вновь образованного участка Николаевского (Тарский уезд, Тобольская губерния) из общей площади более 1 715 десятин лишь 571 десятина относилась к числу удобных [24]. Еще более показателен пример образования переселенческого участка из Карагай-Точкалинской казенно-оброчной статьи (Тюменский уезд). Участок состоял «из разбросанных среди болот островов с большим количеством солонцеватых пространств и вообще невысокого качества почвы». Удобной земли - около 628 десятин, неудобной - более 2 841. Но в январе 1909 г. 11 семей переселенцев из Подольской губернии сами возбудили ходатайство об образовании этого участка [25]. А на территории Марайского казенно-оброчного участка отсутствовал лес и отмечался недостаток воды, но

в мае 1909 г. 39 душ мужского пола (д.м.п.) переселенцев из Витебской губернии «возбудили ходатайство об устройстве» их на этом участке. Примечательно, что Тюменская временная комиссия, утвердившая проект переселенческого участка Марайского, рекомендовала предоставить переселенцам бесплатный отпуск леса и за счет казны соорудить колодцы [26]. Площадь Марайского участка (Тюменский уезд, Тобольская губерния) при этом составила 719 десятин удобной и 653 десятины неудобной земли [27]. Эти и многие другие примеры доказывают, что даже земли официально признанные «неудобными» вполне могли использоваться выходцами из губерний, где сельскохозяйственные угодья были аналогичного качества. Именно поэтому сотрудники землеотводных партий при описании переселенческих участков рекомендовали заселять их выходцами только из определенных губерний. Например, хуторской участок Родионовский (Ялуторовский уезд, Тобольская губерния) был рекомендован для новоселов из Минской, Могилевской и Витебской губерний [28].

Болотистые земли также могли быть вовлечены в сельскохозяйственный оборот. Вот пример того, как старожилы использовали заболоченные земли. В 1870-1881 гг. были произведены работы по определению земель для 15 селений Еланской волости (Тобольская губерния). В числе этих земель было 28 931 десятина и 2 197 сажень удобной земли и 12 526 десятин и 742 сажени неудобной. Таким образом, около 33% относились к числу неудобных. Главная масса неудобных земель – торфяные болота и в некоторых из этих болот крестьяне производили покос осокового сена, а некоторые использовали как выгон для скота. В деревне Карачино (той же волости) было осушено болото, которое в 1912 г. было засеяно, и с него впоследствии был снят урожай [29]. Примеры осушки болот старожилами волостей Жуковской, Благовещенской и Усени-ковской привел известный исследователь-аграрник А.А. Кауфман [30, с.388].

Чиновники Переселенческого управления также занимались вопросом осушения болотных пространств. Так, зав. Гидротехническим отделом Тобольского переселенческого района 25 февраля 1917 г. предложил осушить Аллапное пространство (юго-восток Тарского уезда и частично Тюкалинский уезд Тобольской губернии). Заболоченная площадь Аллапного пространства составляла около 3 000 000 десятин, из которых 157 520 было занято переселенческими участками. Следствием заболоченности была слабая заселяемость данного района: переселенческие участки были заселены только на 30% [31]. Для осушения Рыбинско-Каргалинского болотно-лесного пространства (Тарский уезд, Тобольская губерния) 1 апреля 1914 г. в Омске была сформирована особая партия [32].

И.А. Асалханов в своем фундаментальном

труде обратил внимание, что неудобные земли не следует рассматривать как совершенно бесполезные в хозяйственном отношении. Так, значительную часть неудобных земель составляли реки и мелкие озера, которые давали рыбу. В степных районах камышовые заросли по озерам и займищам использовались как топливо и строительный материал [33, с.53-54].

Есть еще один важный факт, не всеми исследователями принимаемый во внимание: землеустроительные партии допускали включение в состав переселенческих участков неудобных земель, но колонизационная емкость участка всегда высчитывалась только по наличию удобных земель. Например, в составе переселенческого участка Кондаковский (Тобольская губерния) было 1 027 десятин удобной и более 394 неудобной земли. В итоге емкость участка определилась в 68 душевых долей (по 15 десятин на 1 д.м.п.) [34]. Неудобные земли в расчет не взяты. Аналогичная ситуация была на участке Пустопорожный (Тарский уезд, Тобольская губерния), где удобной земли было 1 405 десятин, неудобной - 1 088. Участок считался образованным на 111 д.м.п. [35].

Конечно, в период массового притока переселенцев, когда не хватало средств и землемеров, сотрудники землеотводных партий могли допускать какие-то недочеты, небрежности, поводить беглый осмотр земель и т.п. Но такая спешка могла привести и к зачислению *удобных* земель в число *неудобных*. Например, в Хуторинском переселенческом участке (Ишимский уезд, Тобольская губерния) в 1910 г. значилось около 1 432 десятин удобной земли и 651 десятина неудобной. При этом в число неудобных попали земли пригодные «для пастбища и сенокосения» - более 241 десятины. Такая же ситуация была и на участке Сержантов того же уезда, где в число 984 десятин неудобных земель попали более 487 десятин, пригодных для пастбищ и сенокосов [36].

Обращение к архивным материалам позволяет утверждать, что даже в случаях зачисления в колонизационный фонд неудобных земель в разряд удобных этот недостаток мог быть исправлен. Например, переселенцы поселка Айлинского (Тарский уезд, Тобольская губерния) заявили, что на их участке неудобных земель больше, чем значится по плану. Заявление было проверено и признано справедливым, поэтому Управление государственных имуществ 26 мая 1906 г. приняло решение сделать прирезку этому поселку из состава Даниловской оброчной статьи. Размер прирезки составил более 506 десятин [37]. Другой пример взят автором из журнала Общего присутствия Акмолинского областного правления по переселенческому делу (дата - 28 января 1911 г.). На переселенческом участке Майнак (Акмолинская область) прибывшие новоселы обнаружили, что часть земель, считавшихся удобными, на самом деле представляют собой солонцы. Они воз-

будили ходатайство об исключении солонцов из состава участка. Примечательна реакция чиновников на это ходатайство: заведующий 1 переселенческим подрайоном вообще приостановил заселение участка. Было проведено дополнительное изыскание, подтвердившее справедливость претензий переселенцев. В результате колонизационная емкость участка была сокращена [38].

О качестве отведенных переселенцам земель мы можем судить по числу семей новоселов, оставивших свои наделы. По данным СМ. Сидельникова, в 1911-1915 гг., в среднем по четырем сибирским губерниям этот процент не превышал 10,5, в Акмолинской области - 12,9%, а в целом по азиатской России - 11,1%. В 1906-1910 гг. этот процент был еще ниже - 9,3 [14, с.229]. Обратим внимание, что речь идет о переселенцах, оставивших свои наделы не только по причине плохих земельных наделов. Причины могли быть и другие, в том числе и бытового характера. Рассмотрим для примера данные опроса переселенцев Каргатской волости (Томская губерния). В 1911 г. было опрошено 1 383 хозяйства в 17 поселках. Из числа опрошенных о желании уйти заявили лишь 50 домохозяев, что составило 3,7% зарегистрированных в волости хозяйств. Но при этом в качестве причины ухода только 5 домохозяев назвали «плохую землю». В числе других причин были названы: недовольство природными условиями (10 показаний) и желание переворотиться с целью получить наделы для родившихся после водворения (13 показаний). Были и такие причины: «заработок плохой, а пахать неохота» (4 показа-

ния), «отсутствие рабочей силы в хозяйстве по причинам семейных разделов» (2 показания) [39]. В результате лишь 10% из числа желавших уйти (*подсчитано автором - Б.Д.*) в качестве причины ухода назвали плохую землю.

Таким образом, можно сделать вывод, что однозначно негативная оценка деятельности землеотводных партий в период столыпинской переселенческой политики носит тенденциозный и необъективный характер. Отдельные недостатки в деле заготовки переселенческих участков и некачественная работа отдельных землемеров не могут служить основанием для общей оценки работы всех сотрудников землеотводных партий. Присутствие в составе переселенческих участков неудобных земель не означало, что эти земли не могут быть вовлечены со временем в сельскохозяйственный оборот. Даже присутствие на участке нескольких тысяч десятин неудобных земель нельзя считать признаком плохой работы землемеров - ведь далеко не всегда можно было отрезать все неудобные земли от удобных, особенно в случаях чересполосного чередования хороших почв с оврагами, болотами и солончаками. Но даже и в таких случаях **7**

расчет колонизационной емкости участков всегда проходил только по числу удобных земель, неудобные при этом не учитывались. Это позволяет сделать вывод, что в целом работа чинов землеустроительных партий в период столыпинской переселенческой политики была успешной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Комаров А.И.* Правда о переселенческом деле. - СПб., 1913.-139 с.
2. *Скляр Л.Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. - Л., 1962. - 588 с.
3. *Островский И. В.* Аграрная политика царизма в Сибири периода империализма. -Новосибирск, 1991.-311 с.
4. *Дорофеев М.В.* Земельные отношения в Томской губернии во второй половине XIX -начале XX века. - Новокузнецк, 2007. - 135 с.
5. *Тюкавкин ВТ.* Сибирская деревня накануне Октября. - Иркутск, 1966. - 472с,
6. *Тюкавкин ВТ.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. - М., 2001.-304 с.
7. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф.239. Оп.1. Д.57. Лл.19-20об.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.391. Оп.3. Д.759. Лл. 115-11 боб.
9. *Савицкий 77.* Сметы Переселенческого управления в период III Государственной Думы // Вопросы колонизации. - 1916. -№19. - С. 19-59.
10. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГАТО). Ф.и-8. Оп.1. Д. 11. Л12.
11. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф.183. Оп.3. Д.257. Лл.16, 18.
12. Там же. Ф.354. Оп.1. Д.6. Лл.2-Зоб., 4-4об.
13. ГАТО. Ф.239. Оп.1. Д.24. Лл.16-17об.
14. *Сидельников СМ.* Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов и материалов.-М., 1973.335 с.
15. Очерк работ по заготовлению переселенческих участков. 1893-1899. - СПб., 1900. разд. паг.
16. Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Томской губернии. - Вып.1. - Томск, 1913. 314 с.
17. ГУТО ГАТО. Ф.и-8. Оп.1. Д.3. Лл.44-45.

18. Там же. Ф.и-49. оп.1. Д.846. Лл.2-4.
19. ГАТО. Ф.240. Оп.1. Д.919. Лл.17-17об, 29-29об.
20. *Вибе П. П.* Крестьянская колонизация Тобольской губернии в эпоху капитализма. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. -Томск, 1989.-21 с.
21. *Белянин Д.Н.* Столыпинская переселенческая политика в Томской губернии (1906-1914 гг.) - Кемерово, 2003. - 176 с.
22. ГАОО. Ф.183. Оп.3. Д.277. Лл.7-8.
23. Там же.Лл.9-10.
24. Там же. Л. 1.
25. ГУТО ГАТО. Ф.и-49. оп.1. Д. 184а. Лл.3-4об.
26. Там же. Ф.и-49. оп.1. Д. 184. Лл.2-4.
27. Там же. Ф.и-49. оп.1. Д.25а. Лл.2-2об.
28. Там же. Ф.и-48. оп.1. Д.797. Лл.Юб. См. также: ГУТО ГАТО. Ф.и-49. оп.1. Д.770. Лл.2-2об.
29. Там же. Ф.и-49. оп.1. Д.433. Лл.33, 40об.
30. Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян и инородцев Западной Сибири. Выпуск IX. - СПб., 1890. - 414 с.
31. ГАОО. Ф.183. Оп.3. Д.461. Лл.4-4об.
32. Там же. Ф.183. Оп.3. Д.461. Лл.1-об.
33. *Асачханов И.А.* Сельское хозяйство Сибири конца XIX - начала XX в. - Новосибирск: «Наука», 1975. - 267 с.
34. ГУТО ГАТО. Ф.и-49. оп.1. Д.858. Л.5.
35. ГАОО. Ф. 183. Оп.3. Д.257. Л. 17.
36. ГУТО ГАТО. Ф.и-8. оп.1. Д.4. Лл.2, 4.
37. ГАОО. Ф.183. Оп.3. Д.277. Лл.10об-11.
38. Там же. Ф.354. Оп.1. Д.3. Лл.455-456об.
39. РГИА. Ф.391. Оп.4. Д.922. Лл.75-77об.

□ Автор статьи:

Белянин
Дмитрий Николаевич
– канд. ист. наук, доц. каф. отечественной истории, теории и истории культуры КузГТУ
Тел. 8-3842- 35-32-81